

Тараканова Ульяна Валерьевна

О ПАРОНИМИЧЕСКИХ ПОНЯТИЯХ "СРЕДНЯЯ КУЛЬТУРА" И "СРЕДИННАЯ КУЛЬТУРА"

В статье обосновывается необходимость дифференциации понятий "средней культуры" и "культуры срединной". И та, и другая, как утверждают приверженцы этих понятий, оказали определяющее, исключительное влияние на русский литературный разговорный язык. Однако, как показало изучение значений, вкладываемых в данные понятия их сторонниками, под культурами этими подразумеваются зачастую взаимоисключающие явления литературы и языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 201-205. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81-26

Филологические науки

В статье обосновывается необходимость дифференциации понятий «средней культуры» и «культуры срединной». И та, и другая, как утверждают приверженцы этих понятий, оказали определяющее, исключительное влияние на русский литературный разговорный язык. Однако, как показало изучение значений, вкладываемых в данные понятия их сторонниками, под культурами этими подразумеваются зачастую взаимоисключающие явления литературы и языка.

Ключевые слова и фразы: «средняя культура»; «срединная культура»; паронимические понятия; разговорный литературный язык; разночинская литература; аристократическая литература.

Ульяна Валерьевна Тараканова*Кафедра русского языка**Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова**Tarakanova.UV@yandex.ru***О ПАРОНИМИЧЕСКИХ ПОНЯТИЯХ
«СРЕДНЯЯ КУЛЬТУРА» И «СРЕДИННАЯ КУЛЬТУРА»[©]**

В настоящее время в филологических работах лингвокультурологического и литературоведческого характера развиваются такие понятия, как «средняя» и «срединная» культуры. В диссертации А. П. Давыдова (2002 г.) речь идет о становлении «срединной культуры» в России (на материале русской литературы первой половины XIX века); в диссертации Л. Г. Чапаевой (2007 г.) развивается понятие «средней культуры» как одной из лингвокультурных характеристик России 30-40-х гг. XIX века.

А. П. Давыдов сообщает, что как понятие «срединная культура» сложилась в трудах российского философа А. С. Ахиезера [1]. Элементы представлений о «срединной культуре» как логике воспроизводства культуры появились в русской философии в начале XX века – в борьбе против утопий, выраставших из крайностей, революционного и реакционного максимализма [4], а также в попытках рассмотрения русской культуры через дуальные оппозиции [3, с. 301].

В «средней культуре», по мнению сторонников этого понятия, проявляется «наиболее характерное для той или иной эпохи» [13, с. 42], как, например, 40-е гг. XIX века для русской культуры являют собой перекресток нескольких линий развития, представленных в бинарных оппозициях: дворянская культура – разночинная, пушкинское направление – гоголевское (по определению В. Г. Белинского); чистое искусство – социально ориентированное; романтизм – реализм; литература – беллетристика. При этом Л. Г. Чапаева полагает, что эти частные оппозиции действуют на фоне важнейшей идеологической: славянофильство – западничество.

Как подчеркивают приверженцы обоих понятий, и «срединная культура», и «средняя культура» имели большое значение для формирования русского литературного языка. Кроме того, как первые, так и вторые усматривают тесную связь указанного процесса со становлением реалистического метода в литературе. В этом, а также во внешнем звуковом облике заключается сходство рассматриваемых понятий. Различаются же они принципиально взглядом их авторов на литературу, сыгравшую доминирующую роль в соответствующей культуре и, следовательно, в становлении литературного языка. Эти обстоятельства дают основание автору статьи называть понятия паронимическими.

Об определяющем влиянии литературы на язык в XIX веке говорит, в частности, К. Бюлер, разделявший естественное общение, инкорпорированное в практику (эмпрактический дискурс), и креативное использование языка. По мнению К. Бюлера, речевое действие, направленное на решение актуальной в данный момент жизненной задачи, использует язык как вспомогательный материал, вербальные способы выражения мыслей и чувств в обиходном общении являются принципиально второстепенными, в то время как языковое произведение стремится к освобождению от конкретных практических связей, предполагает напряженный поиск точных обозначений и описаний [5, с. 54]. Кроме того, как утверждает А. В. Чернов, XIX век – это время господства идеи о литературоцентризме, т.е. «о литературе как универсальном языке адекватного перевода явлений идеального порядка в человеческий реальный план» [14, с. 4].

Именно в это время, как отмечает В. Д. Левин, сложилась синтетическая повествовательная речь, основанная на реальной, но не натуралистически воспроизведенной речевой общественной практике – устной и письменной. В плане литературного языка это было связано – и как двигатель процесса, и как его следствие – с утверждением разговорности как факта литературного языка.

Представляется важным отметить, что само понятие разговорного литературного языка, или «речевой общественной практики», можно назвать концептом, по определению В. И. Карасика, со свойственной концепту в науке тенденцией к уточнениям. В XIX веке концепт этот был весьма расплывчатым образованием, с нечеткими границами, что обусловило, вероятно, и разницу в понимании литературы, играющей доминирующую роль в процессе становления разговорного литературного языка, у сторонников идей о «средней» и «срединной» культурах.

В. Д. Левин в своей работе противопоставляет «слабые» и «сильные» стороны разговорного языка. Под первыми предполагает такие, которые обусловлены устной формой высказывания. А под вторыми – так называемые экспрессивные, те, которые характерны для разговорной речи как бытовой и, следовательно, разговорной.

По мнению В. Д. Левина, именно такая разговорность, представленная «сильными» своими сторонами, получала стилистическую «автономию» в литературном языке пушкинской поры, и в творчестве А. С. Пушкина в первую очередь. Складывались современные стилистические отношения. В центре стилистической системы на базе образованного узуса – в тесной связи с процессами нормализации самого этого узуса и укрепления его демократических основ – обосновалась повествовательная речевая норма, выступающая регулятором других «литературных подъязыков». Произошел коренной переворот в художественных вкусах общества. Принципиально «нехудожественное» (и содержание, и язык – поскольку ни быт образованного общества, ни его речевой узус не были в принципе фактом художественной литературы) стало эталоном художественности.

Естественно, что развитие и изменение самой речевой практики общества должно было определить и изменение художественной повествовательной нормы.

Эти процессы в языке А. П. Давыдов считает проявлением «срединной культуры». По мнению А. П. Давыдова, элементы «срединной культуры» возникли в России с началом просветительства, но сложились в устойчивую тенденцию, отразившуюся в обществе, в связи с кризисом просветительства. И первой, кто прорвал фронт просветительского мышления в России, была литература и в ней лирическая поэзия. «В этой связи, – пишет А. П. Давыдов, – ключевое значение в понимании механизма становления “срединной культуры” приобретает изучение творчества А. С. Пушкина» [6, с. 31].

Предпосылкой утверждения «срединной культуры» как медиационного способа мышления писателей А. П. Давыдов считает реформу 1861 года, выпустившую на авансцену общественной жизни культуру плебейскую.

А. П. Давыдов отмечает в это время раскол в русской культуре: между сторонниками традиционности, приоритета неизменности человеческих отношений, приоритета идеализации прошлого и вместе с тем инверсии (логически мгновенной перемены значимости смысла на противоположный с игнорированием смыслоформирующего потенциала «середины»), с одной стороны, и сторонниками культуры либеральной, под которой понимается приоритет ценностей развития и прогресса, преобладания творчества и медиации (*media* – лат. «середина») – нацеленности субъекта на выход за границы сложившихся смыслов культуры в целях формирования новых.

В диссертации А. П. Давыдова делается вывод о том, что основным средством преодоления раскола стала «срединная культура».

Ведущую роль в формировании «срединной культуры», ставшей культурной основой, средством, устойчивой стартовой площадкой для либерального реформирования всего тела русской культуры, А. П. Давыдов отводит дворянской литературе, противопоставляя ее разночинской литературной критике, стремящейся выдвинуть на первый план интересы «маленького человека».

При этом А. П. Давыдов отмечает, что литература не была свободна от сочувствия «маленькому человеку», а критика не была еще только партийно-революционным делом.

Однако целью литературы и искусства к этому времени стали литература и искусство – на этой основе возник переход в литературе от оды и наставления к медиационному анализу человеческой реальности, труд писателя стал профессией.

К этому времени А. П. Давыдов относит появление в России читающей публики, предъявлявшей спрос на «срединные» ценности и «срединный» язык, на котором эти ценности могли бы быть выражены... Место такого языка он видит в сфере между разговорным, живым языком народа и старо-книжным языком, которым пользовались правящие и церковные круги. А говорящих и пишущих на нем называет, соответственно, «срединным» слоем людей. Причину нарастания архаизации А. П. Давыдов видит в противостоянии логике инновации, сформировавшейся в литературной критике в ответ на рост значимости медиации в русской художественной литературе. Таким образом, по мнению А. П. Давыдова, архаика – это прерогатива дворянской литературы.

В. Д. Левин, не оперировавший ни понятием «средней культуры», ни понятием культуры «срединной», но занимавшийся русским литературным разговорным языком, высказывается об архаических элементах в художественных произведениях как об обращении к литературным традициям, к достижениям предшествующей книжной культуры и пишет: «В этом принципиальное отличие пушкинского языка не только от его “просторечных” предшественников, но и от литературного типа Катенина, у которых просторечность архаически (как принцип) означала отказ от книжной культуры» [8, с. 93]. Таким образом, он также признает, что употребление архаики свойственно литераторам-представителям «срединной культуры», по определению А. П. Давыдова.

Л. Г. Чапаева главную роль в формировании современного литературного языка отводит «средней культуре», «сочинениям для простого народа», которые доходили до периферии и объединяли новый слой людей – разночинную интеллигенцию. Под сочинениями этими понимаются беллетристика и публицистика. Л. Г. Чапаева пишет: «Именно произведения Марлинского и Бенедиктова выражали чаяния и настроения новой средней, или разночинской, культуры, они формировали беллетристику, сыгравшую огромную роль в формировании литературного языка, так как именно в ней происходила стандартизация языка, стирание острых граней и полемических черт» [13, с. 21]. Понимание значения беллетристики для формирования литературного языка Л. Г. Чапаевой близко его пониманию В. Г. Белинским, определившим и введшим в широкый обиход в 40-х годах XIX века понятие беллетристики. В. Г. Белинский противопоставлял беллетристику истинно художественным произведениям, так как произведение беллетристики не может сравниться с произведениями гениев; в то же время для современности, по мнению В. Г. Белинского, важнее талантливые

беллетристы, потому что гении вполне оцениваются только потомками. Кроме того, взгляд Л. Г. Чапаевой на этот вопрос схож с аналогичным у А. В. Чернова, писавшего, что беллетристические тексты способны «стремительно реагировать на изменение средней литературной нормы эпохи, улавливать и по мере возможности воплощать новейшие эстетические веяния, обнажая при этом в повествовательной ткани характерные художественные приемы...» [14, с. 17]. Однако А. В. Чернов не считал беллетристику освобожденной от острых граней и полемических черт, напротив, указывал на то, что прямолинейная и однозначная идеологизированность, как правило, сигнализирует о беллетристическом характере произведения [14].

А. В. Чернов подчеркивает, что беллетристика неразрывно связана «с особым типом сознания, определяемым как “литературоцентрическое”. Этот тип сознания рассматривается как следствие секуляризации массового сознания и одновременно инерционного сохранения традиционного отношения к печатному слову как религиозному атрибуту» – другими словами, образцу и ориентиру в жизненной стратегии и, естественно, языке, словесных формах выражения [Там же, с. 16]. Проявляется литературоцентризм в том, что нормы повествовательной художественной литературы становятся нормами узуса образованного общества.

Ю. М. Лотман, рассматривая процесс развития культуры как смену или конкуренцию взрывов и постепенных, эволюционных процессов, выявил связь взрывов с литературой и гениями, а постепенность – с беллетристикой и талантами. По его мнению, лучше усваиваются постепенные процессы, так как они понятнее [9].

Л. Г. Чапаева сообщает, что аристократическая дворянская культура воспринималась новым слоем разночинной интеллигенции, сформировавшимся в конце 30-х и в 40-х гг. XIX века, как чужая, изжившая себя, отторгаемая ими и отторгающая их. При этом дворянская культура рассматривается нерасчлененно, как исключительно романтическая, чистое искусство, далекое от жизни и «заштампованное» эпигонами [13].

Заметим, что заслуга беллетристики традиционно усматривается как раз в том, что стилистические новации беллетристов быстро превращаются в штампы, а затем и в общеупотребительные элементы литературного языка.

Таким образом, от штампов избавиться деятелям антиромантической культуры не удалось. Но удалось создать новое направление, имевшее, по мнению А. В. Чернова, большое значение для складывания современного литературного языка – натуральной школы. Натуральная школа была начальным этапом развития критического реализма в русской литературе. Огромную роль в становлении натуральной школы сыграл физиологический очерк, который как жанр с таким же названием первоначально возник во Франции. Этот жанр стал разрабатываться в русской литературе с начала 40-х годов XIX века, так как отвечал потребностям русской культуры той поры. С 1839 г. по 1848 г. вышло около семисот очерков, интересных и с точки зрения истории языка, которые изобиливали жаргонной, просторечной, диалектной лексикой и фразеологией. Слова, попадавшие до этого в литературный язык лишь случайно, с 40-х гг. XIX века становятся регулярными источниками пополнения языка литературы элементами живой речи.

Реалистический метод в отличие от классицизма, сентиментализма и романтизма не имеет непосредственного отражения в стиле... Поэтому постромантическая эпоха характеризуется и изменением отношения к языку с точки зрения стиля: нет ничего обязательного, значит, можно все; это открыло «шлюзы», и в язык хлынули потоки разговорного, фольклорного, канцелярского, научно-канцелярского и других еще вполне не оформившихся функциональных стилей и разновидностей языка.

Важную роль в этом процессе играла и публицистика. «Сфера массовой коммуникации – журналы преимущественно (для 30-40-х гг.) – типологически ориентирована на свободное использование языковых средств из других функционально-речевых сфер и служит своеобразным связующим звеном между ними в освоении языковым коллективом иноязычных заимствований, популяризации экономической, политической и другой терминологии; в заимствовании языковых элементов (и коммуникативных навыков) из социальных и профессиональных жаргонов и их переходе в литературный язык (публичную сферу общения)» [11, с. 251].

Как и беллетристика, журналистика отражала оппозиционность, контрастность культуры того времени. «Язык средств массовой информации... дает пищу для размышлений о социальных различиях в позиции авторов, принадлежащих к кругам общества, разным по своей политической ориентации и ценностным установкам» [2, с. 314].

«Автор-публицист – человек социальный... Спектр проявлений человека социального в тексте многообразен... Социальность позиции – неотъемлемая сторона, принадлежность категории автора» [12, с. 12].

Беллетристика и журналы способствовали включению в культуру новых текстов, важных для периода повышенного интереса к самобытному и национальному: фольклорных произведений, исторических текстов и древнерусских памятников письменности.

Это вызвало и новое отношение к языку, живой речи как источнику информации о древнем бытии народа, его духовной жизни. Главное место в этом процессе заняли исторические повести и романы 30-40-х гг. XIX века, такие как произведения Вельтмана, Лажечникова, Нарезного, Загоскина, Шишкиной и др. Они привели к активизации употребления устаревших слов и славянизмов, воспринятых как исконные русские слова, введению их в обиход, что способствовало нейтрализации архаизмов и славянизмов, снятию с них маркированности и включению в общелитературный язык. Не случайно именно эти и последующие годы характеризуются активными словообразовательными процессами с использованием церковнославянских или архаичных морфем.

Л. Г. Чапаева отводит значительную роль в этом процессе славянофилам: «Страх разрушения культуры из-за появления “массовой культуры”, бездуховной литературы, омертвляющей подлинные духовные ценности, приводит славянофилов к упованию только на возврат к истории, “старым добрым временам”, возвращению традиций. Исконные традиции, исконный язык как опору национального будущего славянофилы видят в народе и развивают свою систему взглядов на основе понятия народности» [13, с. 139].

Какая же литература в действительности была носителем, проводником и двигателем реформы литературного языка? Классическая дворянская? Но мы знаем, что наши классики, заслоненные посредственностями, не пользовались популярностью у своих современников.

Вместе с тем мы не видим последовательного продолжения в современном языке лингвистических новаций средней разночинской литературы: в частности, беллетристические штампы В. Д. Левина считал ощутимыми подобно элементам функциональных стилей [8, с. 83], внедряемые разночинцами профессионализмы и канцеляризм он приравнивал к просторечию и диалектизмам, считая, что их объединяет «необщность», «особость» в тексте. В отношении проявлений натуральной школы, представителями которой являлись беллетристы, В. Д. Левин писал, что они воспринимаются как искусственный прием, что заставляет ощущать повествователя как не вполне «нормативного», как слишком «реальное» лицо, в то время как действительно художественно сконструированное повествование ощущается как норма, прочно опирающаяся на речевую практику, на современный укус, но представленный не натуралистически, а обобщенно, как абстрагирование от самой «натуры».

Надо заметить, что эти слова принадлежат лингвисту более позднего поколения, рассматривавшего язык уже с точки зрения XX века, а В. Г. Белинский утверждал, что ценность беллетристики вполне оценивается на синхронном уровне ее изучения. Кроме того, теория «срединной культуры» касается вопросов языка довольно слабо. Основным объектом исследования в диссертации А. П. Давыдова является литература, а о языке говорится только в силу того, что язык неразрывно связывается с литературой. В силу этого понятие «средней культуры» представляет гораздо больше простора для дальнейших лингвистических изысканий, как, впрочем, и критики.

Возможно, пытаясь решить проблему определения той литературы, которая играла ведущую роль в формировании литературного разговорного языка, следует обратить внимание на деятельность беллетриста и публициста, который не отвергал классики, а развивал ее традиции в своих популяризаторских изданиях, несущих просветительское начало в провинциальные массы. Вспомним О. И. Сенковского с его «Библиотекой для чтения», освещающей вопросы науки, искусства и социальной жизни. Публицистика его, несмотря на включение в журнал статей, освещающих широкий спектр вопросов, в том числе и множество научных, была однородна в языковом плане. О единстве стиля и о доступности содержания редактор журнала лично заботился прежде всего.

Этот стиль, над единством которого так трудился О. И. Сенковский, предполагал отсутствие канцеляризм, архаизмов и громоздких напыщенных фраз, призванных, по мнению их авторов, отразить красоту содержания произведения. О. И. Сенковский же считал, что фразы такие следует рассматривать как попытку писателя прикрыть скудость содержания. Понятие архаизмов в данном случае следует рассматривать расширенно: это не только лексемы (хотя нападки О. И. Сенковского на архаичные лексемы и были самыми популярными), но и синтаксические конструкции, нуждающиеся в таких единицах как в средстве связи. Этот ученый считал, что русскому синтаксису свойственна лаконичность. Следует заметить, что наблюдения над его собственными текстами дают неожиданные результаты в этом отношении: преобладающее большинство предложений сложные, осложненные различными видами вставных конструкций и обособленных членов. Также некоторая непоследовательность О. И. Сенковского усматривалась его критиками-современниками во взглядах на роль «народных элементов» в художественном произведении. Как и все беллетристы его времени, он ценил проявления близости народу, народности, но отмечал, что следует отличать истинную народность от подражания ей (в последнем он отвергал эстетическую ценность), кроме того, от народности он отделял простонародность, которую считал неприемлемой в художественном произведении и за которую бранил своих оппонентов по литературным и лингвистическим спорам. Тем сильнее сам потом был раскритикован противниками за употребление в своем произведении явно просторечных элементов. Надо полагать, что здесь уместны рассуждения В. Д. Левина о характерологической функции таких элементов и создании образа ненормативного автора, а также теория В. И. Карасика о языковых личностях и И. Л. Поповой о «мистификаторе, создающем фиктивное сообщение от чужого имени... привнося в текст "его", то есть чужую для себя модальность... снимая с автора ответственность за сказанное» [10, с. 22]. Кроме того, следует помнить о том, что О. И. Сенковский действительно подписывал свои произведения различными псевдонимами, и следование единым языковым установкам, пожалуй, в данном случае следует искать в пределах произведений, подписанных одним из них. Объединяло же собственные произведения О. И. Сенковского то, что они неизменно пользовались популярностью у среднего класса читателей.

Критик понимал всю важность для русского народа формирования своего национального разговорного литературного языка и отмечал явно книжные, неразговорные элементы в текстах, ведь и сейчас еще, по словам В. Д. Левина, разговорность в письменной бытовой практике – заметке, объяснительной записке, письме и т.д. – ощущается не как таковая, не сама по себе, а как «художественность», как попытка писать художественно.

При всем том он понимал необходимость изменения разговорного литературного языка вместе с изменением общественного укуса, которое неминуемо с течением времени. И считал, что не следует говорить, что язык умер вместе с гением слова, т.к. язык продолжает жить в творениях дарований в ожидании своего расцвета с приходом нового гения.

Не употребляя понятия «синтетизм», выдвинутого В. Д. Левиным, по отношению к разговорному языку общества, который он стремился создать, Сенковский заботился о том, чтобы его художественное повествование было звучащим, живым, ритмически свободным – и в этом смысле «разговорным»...

Свое мастерство критика-полемиста он оттачивал в многочисленных статьях, являвших пример разговорного языка образованного общества. Однако, будучи автором социальным, активно участвующим в спорах, приверженцем культуры «средней», казалось бы, он на страницах своего журнала отдавал должное, признавал примером для подражания деятелей «срединной культуры», по определению А. П. Давыдова, – Пушкина, Грибоедова, Жуковского.

Список литературы

1. Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1998.
2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика: учебник для вузов. М., 2001.
3. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2-х т. М., 1994. Т. 2.
4. Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. 346 с.
5. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка / пер. с нем. М., 1993.
6. Давыдов А. П. Становление «срединной культуры» в России (на материале русской литературы первой половины XIX века): автореф. дисс. ... д-ра культурологии. М., 2002.
7. Карасик В. И. Языковые ключи. М., 2009.
8. Левин В. Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971. С. 9-96.
9. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.
10. Попова И. Л. Литературная мистификация и поэтика имени // Филологические науки. М., 1992. № 1.
11. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2003.
12. Солганик Г. Я. Автор как стилиобразующая категория публицистического текста // Вестник МГУ. Журналистика. 2001. № 3. С. 11-15.
13. Чапаева Л. Г. Культурно-языковая ситуация в России 1830-1840-х годов в контексте споров славянофилов и западников: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2007.
14. Чернов А. В. Русская беллетристика 20-40-х годов XIX века: вопросы генезиса, эстетики и поэтики: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1996.

ABOUT PARONYMOUS NOTIONS “AVERAGE CULTURE” AND “MIDDLE CULTURE”**Ul'yana Valer'evna Tarakanova***Department of Russian Language**Moscow State Classical University named after M. A. Sholokhov**Tarakanova.UV@yandex.ru*

The author substantiates the necessity of the differentiation between the notions “average culture” and “middle culture”. According to the adherents of these notions, both cultures had a determinative, exceptional impact on the Russian literary informal language. However, as it was shown by the study of the meanings embedded in these notions by their supporters, mutually exclusive phenomena of literature and language were often implied by these cultures.

Key words and phrases: “average culture”; “middle culture”; paronymous notions; literary informal language; commonalty literature; aristocratic literature.

УДК 494.3

Филологические науки

Данная статья содержит системный анализ конкуренции форм дательного и местного падежей при выражении статического значения локализации в тувинском языке, а также в ней показана зависимость выбора падежной формы в конструкциях статической локализации от временной и модальной форм управляющего предиката и его семантики, от синтаксического статуса локализатора.

Ключевые слова и фразы: падеж; датив; локатив; локализатор; адъект; сирконстант; предикат; временные формы; видовые формы; лексико-семантические группы.

Аржаана Борисовна Хертек, к. филол. н.*Научно-образовательный центр «Тюркология»**Тувинский государственный университет**arzhaanakhertek@yandex.ru***УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ДАТЕЛЬНОГО И МЕСТНОГО ПАДЕЖЕЙ
В СТАТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ[©]**

Работа выполнена в соответствии с тематическим планом научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет», проводимых по заданию Министерства образования и науки РФ, регистрационный № 6.6133.2011.

В тувинском языке существительные и служебные имена в именных и глагольных предложениях с семантикой локализации объекта могут оформляться аффиксами дательного и местного падежей.

Форма дательного падежа в значении статической локализации употребляется и в других тюркских языках Южной Сибири: в шорском языке форма дательного падежа используется для выражения значения «неопределенного местонахождения» [17, с. 78]; в алтайском языке дательный падеж может выражать значение временного местонахождения субъекта [18, с. 12]; в якутском - дательный падеж всегда выполняет ту функцию,